

Моген. Космический
2001. - 7 февр. - с. 8

Страница для модной молодежи.
Ведущая — Копитоллина ДЕЛОВАЯ.
Фото — Надежда ЛЕБЕДЕВА,
Геннадий ГРАЧЕВ,
Максим ГОРЕЛИК.
Design — Елена МОРОЗОВА.

Концерты бывают разные. Суперпуперовские, драйвовые и мертво-обломные. Концерты бесплатные, на площадях, для сотен тысяч тинейджеров с горящими глазами. И концерты "очень бобовые", в закрытых частных клубах, лично для дочки банкира, с трудом закончившей девятый класс школы. Еще бывают пьяные концерты на прокуренных кухнях — так, для самих себя. К концерту же, что сыграли давеча "Танцы минус", они, по собственному признанию, не были готовы. Он просто оглушил, вызвав растерянность и обреченное чувство полной собственной бесполезности. "Танцы минус" играли за решеткой. Точнее — в Рязанской воспитательной колонии для несовершеннолетних девушек, куда повез группу с самыми лучшими, просветительско-развлекательными намерениями журнал для девушек (опять же) "Yes". Но развлечения не получилось. Случился, напротив, глубокий стресс, с трудом выйдя из которого Славик Петкун впал в очередную мизантропию по отношению к журналистам. Впрочем, для "Мегахауса" он сделал исключение, решившись рассказать о "колониальных" впечатлениях, повергших в шок его и музыкантов. Но, скажем прямо, уламывали парня мы долго.

"ТАНЦЫ МИНУС"

РЕШЕТКОЙ

— Предложили съездить в лагерь, в ЗОНУ. Я, конечно, отказался: представь себе мужиков, зэков, сидящих и слушающих наши "ра-ру-ра"! Потом выяснилось, что это для детей, для девочек... Поехал туда абсолютно бессознательно, не зная, для чего. Уж точно не владела мной никакие порывы сделать добро или еще чего... Это походило на настоящее приключение в стиле русских рокеров: триста километров пилить на дырявом автобусе; температура снаружи — минус восемнадцать, внутри автобуса — минус десять. Поэтому всю дорогу пили: много и без остановки, удедали литров пять водки. Но когда залязали на спинной решетке, протрезвели как-то очень быстро. Смотрим: колонну детей выводят под охраной здоровых мужиков, черт...

— Ты, говорят, сразу начал разбухать: какого хрена маленьких девочек охраняют солдаты с автоматами?
— Ну вообще-то накрыло: женщины же не охраняют мужиков, почему же — наоборот? С другой стороны, там надо сутками стоять на вышках и все такое...
— Ну и потом охраняют-то там не бось не школьниц-отличниц, слязливших конфетку?

— Нам сказали: там дети сидят за убийство. Бывает — собственных родителей, заставлявших идти на панель. За грабеж... Четырнадцатилетние девочки. С десятилетними сроками... Я был в растерянности. Их привели строем, усадили в зале, по бокам — охрана. И абсолютное молчание, один глаза на тебя смотрят, триста пар глаз шупают. Я попытался пошутить со сцены — не получилось...
— Ты от растерянности, что ли, начал петь странные песни? Что-то про марихуану?

— Меня начало угнетать повисшее жуткое напряжение. Треть концерта прошла — а они сидят как в оковах. Захотелось растормозить. Но как? Не признаниями же в любви и не матерщиной. Нужно было сделать что-то запретное. Спели нашу старую песню про марихуану, еще какие-то песни, что я вложил тоже в 14-летнем возрасте. Они, смотрю, сидят в шокированном шоке. Потом я закурил. А им, оказывается, это запрещено, нарушение режима. Это прямое попадание в карцер. А тут сидит нагая рожа на сцене с сигаретой! Раздался такой массовый ОИ!

— А охрана-то тебя свинтит за такие вольности не пыталась?

— Нет, начальник лагеря начал их успокаивать: девочки, не обращайтесь, мол, внимания; это у певца сценический образ такой! А потом случилось жуткое. Я пел старую песню "Осенний вечер", и вдруг все триста человек начали выть в голос. Я не выдержал, убежал за кулисы...

— Сам заревел?

— Ну прохвятило! Не знаю, какие там ассоциации на них навелись. Слова в песне простые: "Осенним вечером звездой я упаду в твои ладони...". Цепная реакция: достаточно пары слезинок на глазах у одной девочки — и реву все! Я почувствовала физически, как с меня сваливается шелуха. Вся эта компримисность, лживость, на которую каждый день ведь идешь. Я стараюсь по жизни говорить то, что думаю. Но иногда, сама зная, не хочется кого-то обидеть и все такое... Приходится лукавить, недоговаривать. А там я физически чувствовал: они смотрят и понимают, играю я с ними или нет, строю эдакого артиста или — нормальный человек!

**Петкун
нарушил
режим
в женской
колонии**

— Зачем ты запел столь "любимого" тобою Шевчука?

— Да не пели мы его. Так, сбрыцали пару аккордов на гитаре. Из "Дождя", кажется. Мы находимся в состоянии психоза. Когда девочки завывали, я ушел и не мог обратно вернуться на сцену. Попросил музыкантов струны поперебирать просто.

— А говорят, ты произнес удивительную фразу: мы сыграли Шевчука, поскольку он единственный из рокеров много раз оказывался в похожих ситуациях — в Чечне, на войне; и был там честен с людьми...

— Не мог я говорить ничего подобного, не знаю, зачем мне приписывают такой бред. Чьи-то проски...

— Ладно, чем дело кончилось?

— Очень спокойно. Они поплясали под "Города" и "Цветы". Я спустился в зал и пошел между рядами. Вся охрана встала, начала девочек от меня отсекать, но я успел дать несколько автографов. Хотя мог раздать их всем тремстам, я готов был отрывать для них пуговицы от своего пальто. Но поговорить ни с кем не дали! Мне вот интересно, сколько же детей сидят вот так у нас в тюрьмах? Ты не представляешь даже, как там все серьезно: заходишь — за тобой захлопывается решетка; дальше — стекло, через которое ничего не видно; опять что-то лязгает, появляются люди с оружием... Не понимаю, неужели для детей нельзя создать более человеческой обстановки? Чтобы они, ну пусть под стражей, но могли бы смотреть телевизор, играть в игрушки, звонить по телефону... Свободно передвигаться хотя бы внутри этой тюремной территории. Одно дело — рецидивисты, сидящие пожизненно за десять убийств. Но — дети! Их такой атмосферой не исправить, сделаешь только хуже. Они и так уже приучены (родителями-алкоголиками, толкающими на панель, дружками) к тому, что шансов в жизни нет. Так, может, стоит показать шанс хотя какой-то!

— Ну ты-то что сделать можешь?

— Ну вот рассказываю всем об этом. Черт его знает. Может, тем, что старались там быть открытыми, искренними, мы кого-то из этих девочек затронули, задела. Они же кричали в конце: вы — настоящие! Непонятно, хорошо или плохо на нас эта поездка подействовала, но явное очищение мозгов случилось. Которое заливали потом дня три большим количеством алкоголя, но слава богу, не задали.

— Ты в одиночку все это перевариваешь или поделился с друзьями-музыкантами? С подружкой, скажем, Земфирой?

— Конечно, вывалили, на кого мог, все эти ощущения. В начале марта мы к этим девочкам опять поедем (аппаратуру им в дом культуры в подарок повезем), и, думаю, к нам присоединится кое-кто.

Может, и "Мегахаус" присоединится.

7 февр. 2001.

Капитоллина.